

языке (по духу, если не по букве), находится в одном ряду с подобными статьями Конституции. В некоторых из них, как уже подчеркивалось в советской литературе⁷, право граждан выступает одновременно и как их обязанность, например, в статьях 58-й («Труд является первоочередным правом и обязанностью, делом чести каждого гражданина»)⁸, 60-й («Учеба является правом и обязанностью граждан»)⁹ и 77-й («Защита Социалистического Отечества есть священный долг и высшее право граждан»)¹⁰.

Итак, знание вьетского языка — языка межнационального общения — сегодня не только социальная потребность, но и глубоко укоренившаяся и всесторонне осознанная внутренняя потребность невьетских народов СРВ. Такое совпадение общественного и личного составляет основу эффективного проявления факторов современных этноязыковых процессов, служит залогом успешного развития и функционирования национально-вьетского двуязычия в массовых масштабах.

⁷ Новейшая история Вьетнама. М.: Наука, 1984, с. 321.

⁸ Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Принята Национальным Собранием СРВ 18 декабря 1980 г. М.: Юрид. лит., 1982, с. 32.

⁹ Там же, с. 33.

¹⁰ Там же, с. 36.

О. Ю. Артемова, Ф. Роуз

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ: НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВА

В последние годы в советской печати появился ряд работ, посвященных в основном или в значительной мере современному этническому и социально-политическому развитию аборигенов Австралии, в частности развернувшейся с конца 60-х — начала 70-х годов борьбе коренных австралийцев за права на землю¹. Сравнительно недавно в журнале «Сов. этнография» была опубликована работа Ф. Роуза и Б. Шепс «Борьба австралийских аборигенов за земельные права...» (1985, № 1), где изложение и анализ событий доведены до 1981 г. Предлагаемая теперь статья имеет главной целью осветить наиболее существенные изменения, которые произошли в жизни аборигенов Австралии в последние годы. Однако предварительно необходимо суммировать и отчасти дополнить сведения, содержащиеся в предшествующих публикациях.

Во время последней общеавстралийской переписи населения (декабрь 1981 г.) 159 897 человек назвали себя аборигенами Австралии и островов Торресова пролива. Среди них чистокровные аборигены составляют около 40 тыс. человек².

Большая часть чистокровных коренных австралийцев сосредоточена в удаленных от основных культурных центров и малонаселенных районах Северной Территории, Западной и Южной Австралии и в северо-восточном Квинсленде. Большая часть метисов — в густонаселенных и экономически развитых районах юга, юго-востока и юго-запада страны.

¹ Роуз Ф. Аборигены Австралии. Их прошлое и настоящее. М.: Наука, 1981; Мид-длтон Х. Теперь пусть нам вернут землю. М., 1983; Артемова О. Ю. Прошлое и настоящее коренных австралийцев. — Расы и народы, вып. 10. М.: Наука, 1980; Раззакова Э. И. Борьба аборигенов Северной Территории Австралии за земельные права и проблема урана. — Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М.: Наука, 1981; *её же*. «Децентрализованные общины» австралийских аборигенов (70-е — начало 80-х годов XX в.). — Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. М.: Наука, 1984; Кабо В. Р. Аборигены Австралии. — Вопросы истории, 1984, № 6.

² Aborigines in Australia Today. Canberra, 1982, p. 4.

По сравнительно недавним подсчетам исследователей-лингвистов, из 500 языков и диалектов, на которых говорило в прошлом коренное население континента, ныне только 144 употребляются достаточно многочисленными группами аборигенов, около 74 полностью утрачены, а остальные постепенно забываются. Аборигены, говорящие на племенных языках и расселенные в основном в Северной и Центральной Австралии, пользуются, как правило, еще и местными вариантами так называемого языка пиджин, или «английского языка аборигенов». Он же — в достаточно многочисленных разновидностях — является основным, а часто и единственным языком для значительной части аборигенов, утративших язык своих предков. «Английский» аборигенов столь существенно отличается фонетически, а также, хотя и в меньшей мере, и грамматически от стандартного английского, что для англоавстралийца, не имеющего специальной подготовки, малопонятен. Что же касается «стандартного английского», то очень многие аборигены либо совсем не знают его, либо владеют им плохо³.

Значительное число аборигенов, населяющих пустынные северные и центральные области страны, сохраняет племенные и родственные связи, а также существенные элементы традиционной материальной и духовной культуры, правда, чаще всего в деформированном виде. До сих пор имеются группы, которые живут на своей племенной территории (или в непосредственной близости от нее) и не отказались еще от охотничье-собирательского хозяйства и полукочевого или, вернее, полубродячего образа жизни. Однако в современных условиях вследствие истощения природных ресурсов и частичной утраты аборигенами традиционных производственных навыков охота и собирательство уже не могут служить единственным или даже основным источником средств к существованию. Заметная доля потребления в таких группах обеспечивается за счет государственных дотаций, а также различных нерегулярных заработков.

Многие аборигены, вытесненные с исконных земель или добровольно покинувшие их, концентрируются вокруг скотоводческих станций, земледельческих ферм и других поселений европейцев, нанимаясь на сезонную работу или живя случайными заработками. В последние 20—25 лет значительно увеличилось число аборигенов в городах⁴. Хотя городские аборигены в большинстве своем полностью утратили традиционную культуру — язык, обряды, искусство, они тем не менее во многих случаях сохраняют память о племенной принадлежности и о местах расселения своих предков⁵.

Несмотря на то, что после общеавстралийского референдума 1967 г., давшего аборигенам равные с остальными австралийцами гражданские права, прошло 18 лет, они и теперь — самая обездоленная группа населения страны. По существующим в Австралии стандартам, значительная часть коренных австралийцев живет на грани нищеты. Из-за отсутствия удовлетворительного образования, а также из-за бытующих до сих пор расовых предрассудков большинство работающих аборигенов и в городах и в сельской местности вынуждено довольствоваться самыми неквалифицированными и низкооплачиваемыми видами труда. Уровень безработицы среди аборигенов в шесть раз выше, чем по Австралии в целом⁶. По-прежнему поселения аборигенов в тех поселках и городах, где преобладают белые, располагаются обособленно, как правило, на окраинах, в самых неудобных и неприглядных местах. Антисанитарные бытовые условия, недостаточное и неправильное питание, малоподвижный образ жизни, к которому они совершенно не приспособлены, отсутствие иммунитета ко многим распространенным у европейцев болезням

³ Bostock W. W. Alternatives of Ethnicity. Immigrants and Aborigines in Anglo-Saxon Australia. Melbourne, 1981, p. 70—76.

⁴ Aboriginal and Islander Identity, 1976. vol. 2, № 8, p. 16.

⁵ Young E. Tribal Communities in Rural Areas. Canberra, 1981, p. 19.

⁶ Aborigines in Australia Today, p. 16.

приводят к тому, что около 40% аборигенов страдают серьезными заболеваниями. Детская смертность у аборигенов в три раза выше, чем у белых австралийцев, средняя продолжительность жизни — на 20 лет меньше⁷.

Как это обычно бывает, низкому материальному уровню и «духовному вакууму», наступившему вслед за разрушением старой (традиционной) культуры, и при отсутствии возможностей для сколько-нибудь полноценного восприятия духовных ценностей новой (европейской) культуры, сопутствуют алкоголизм, наркомания, преступность. В некоторых поселениях около половины всех расходов аборигенов приходится на алкоголь. Следствием этого являются многочисленные несчастные случаи, травматизм, драки, пренебрежение к родительским и семейным обязанностям и т. п. По официальной статистике, процент убийств, совершаемых аборигенами, в 10 раз превышает соответствующий показатель по Австралии в целом. Аборигены составляют немногим более 1% населения страны и около 30% ее заключенных⁸.

В последние годы австралийское правительство приняло ряд мер по улучшению бытовых условий аборигенов, их образования, медицинского обслуживания, по борьбе с алкоголизмом. Сами аборигены в значительной своей части заметно активизировали усилия, направленные на преодоление тяжелых последствий колонизации. Но понесенный в прошлом ущерб и действие тормозящих позитивное развитие факторов в настоящем настолько велики, что положительные результаты наступают очень медленно.

Сказанное характеризует положение большей части аборигенов. Однако в настоящее время они уже неоднородны по своему социально-экономическому положению. Среди них есть некоторое число обеспеченных людей, владеющих небольшими фермами, скотоводческими хозяйствами, горнодобывающими предприятиями (часто на кооперативных началах), а также занимающих хорошо оплачиваемые должности на государственной службе и т. п. Существует немногочисленная интеллигенция из числа аборигенов. Своей деятельностью она вносит значительный вклад в развитие современной национальной культуры аборигенов, в развитие их национального самосознания.

Если за прошедшие со времени референдума 1967 г. годы материальное и социальное положение аборигенов в целом все же сравнительно мало изменилось, то в их сознании и самосознании, в направлении протекающих в их среде этнических процессов произошли кардинальные перемены. И теперь аборигены играют совсем иную, чем 20 лет назад, роль в общественной жизни страны.

В конце 50-х — начале 60-х годов многие австралийские этнографы были убеждены, что ассимиляция — единственный возможный вариант этнического развития аборигенов. И действительно, в тот период обнаруживались признаки культурной ассимиляции определенной части аборигенов. Многим из них как в городах, так и в резервациях европейский стиль жизни, материальные блага, удобства и развлечения представлялись тогда чрезвычайно привлекательными и желанными. Но с конца 60-х и особенно в начале 70-х годов в их среде стала происходить переоценка ценностей. В настоящее время многочисленные группы аборигенов, напротив, стремятся к сохранению или же возрождению культуры (в первую очередь духовных идеалов) своих предков. Это стремление нашло выражение в активном политическом движении, которое в 70-е годы чаще всего обозначалось английским словом *identity*, а в последнее время — термином *self-determination*. И то и другое, по-видимому, правильнее всего перевести как «национальное самоопределение». Разные политические организации во многом по-разному формулируют задачи этого движения, и в разных местах расселения аборигенов оно принимает заметно различающиеся формы. Сейчас еще представляется прежде-

⁷ *Aboriginals in Australia Today*, p. 18; *Newsweek*, 23.5.1983, p. 30.

⁸ *Newsweek*, 23.5.1983, p. 29.

временным говорить о складывании у коренных австралийцев какой-либо целостной этнической общности и единого этнического самосознания. Но различные их группы сближает сознание общности интересов и задач: стремление жить самоуправляющимися общинами и заставить окружающее белое большинство признать и по достоинству оценить их традиционную культуру — ее коллективизм, священную тотемическую обрядность, искусство и, что самое главное, сильнейшую привязанность людей к земле предков.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что до европейской колонизации основой всей культуры аборигенов была наряду с прочными личными связями между людьми чрезвычайно тесная связь их коллективов с землей и всем природным окружением в целом. Земля для аборигенов была не просто единственным средством к существованию, потеря земли — не просто потеря экономическая. Не только религия, роль которой в жизни аборигенов, как известно, была огромной, но и весь духовный мир людей, входивших в локальные сообщества, был неразрывно связан с определенной территорией, на которой жили и они, и многочисленные поколения их предков и где должны были жить их потомки. Духовное единство с территорией, находившее наиболее концентрированное выражение в священных тотемических обрядах, было источником эмоциональной уверенности людей, давало им внутренние силы, которые помогали преодолевать бедствия и несчастья, оно давало людям чувство защищенности⁹. И не случайно у современных аборигенов движение за национальное самоопределение теснейшим образом слилось с борьбой за получение юридических прав на их исконные земли, а также — в Северной и Центральной Австралии — с так называемым движением децентрализации.

Если в 40-е, 50-е и в начале 60-х годов многие жившие в резервациях аборигены добровольно шли в европейские поселения, привлеченные европейской пищей, товарами или просто побуждаемые любопытством, то с начала 70-х годов происходит обратное движение: аборигены покидают европейские города и поселки, а также поселения при миссиях, где концентрировались представители разных общин и разных племен, и переселяются небольшими группами, основанными на традиционных родственных отношениях, на те земли, которые считают своим исконным достоянием. Там они стремятся организовать жизнь так, чтобы возможно меньше зависеть от «центров», управляемых белыми. Одни группы пытаются вернуться к традиционной охотничьей и собирательской деятельности, другие — создать скотоводческие или земледельческие хозяйства, третьи — наладить производство предназначенных для продажи туристам и коллекционерам-любителям предметов традиционной материальной культуры, некоторые группы организуют своеобразные художественные мастерские, где в условиях, приближенных к традиционным, изготавливаются выдержанные в традиционном стиле произведения искусства, пользующиеся в настоящее время большим спросом и в Австралии и за ее пределами. В повседневной жизни члены таких децентрализованных групп, или, как их еще называют, «внешних поселений», придерживаются многих традиционных норм, регулярно исполняют древние религиозные обряды. Для части таких групп характерно сознательное стремление к своего рода аскетизму: например, отказ от стандартных жилищ европейского типа (предпочтение им менее благоустроенных и холодных временных построек), отказ от некоторых предметов фабричного производства, от алкоголя, карточных игр и т. п. В этих группах, как и в традиционных общинах аборигенов, руководящую роль чаще всего играют мужчины старшего возраста.

В первую очередь именно интересы жителей северных и центральных районов страны, где многие аборигены не потеряли исконных связей со своими племенными землями и включились в движение децентрализа-

⁹ Berndt R. M., Berndt C. H. The World of the First Australians. Canberra, 1977, p. 518.

ции, отстаиваются теми политическими организациями аборигенов, а также их союзниками из числа англоавстралийцев, которые борются за получение коренными австралийцами юридических прав на землю. Однако и давно утратившие связи с землей предков аборигены юга принимают живейшее участие в этом движении. Для значительной их части, так же как и для аборигенов севера, вопрос о том, будут ли аборигены владеть землей, равносильен вопросу о том, будут ли они существовать в качестве самостоятельных этнических общностей.

Выдвигаемые различными политическими организациями аборигенов требования сводятся в основном к следующему: 1) юридические права на те земли, которые в настоящее время фактически заняты аборигенами и которые до колонизации принадлежали их соплеменникам; 2) права на те земли, куда аборигены были вытеснены со своих исконных земель в период колонизации и где они жили долгое время в резервациях; 3) наделение землей живущих в городах аборигенов в соответствии с их нуждами; 4) денежная компенсация за безвозвратно утраченные племенные земли¹⁰.

Когда в 1972 г. после долгого перерыва к власти пришло лейбористское правительство, наряду с другими мерами по улучшению положения коренных австралийцев было запланировано предоставление земельных прав аборигенам Северной Территории, которая в тот период непосредственно управлялась федеральным правительством¹¹. Однако лейбористское правительство пало, не успев принять подготовленный им законопроект о земле аборигенов. Сменившее его коалиционное правительство либеральной и аграрной партий выработало другой, менее благоприятный для аборигенов проект, который стал законом в 1976 г. и носит название Акта о земельных правах аборигенов Северной Территории. В соответствии с ним все земли резерваций Северной Территории, являвшиеся государственной собственностью, перешли в распоряжение аборигенов на правах фригольда. Площадь этих земель составляет 256 680 км², т. е. около 1/3 Северной Территории.

Фригольд — частное земельное владение, наследуемое без каких-либо ограничений. По австралийским законам это самая выгодная форма землевладения. Фригольдер может продать, сдать в аренду, заложить свою землю, лишь он может разрешить на ней строительство дорог или иных коммуникаций, возведение зданий, пребывание посторонних и т. д. Но он не является собственником минеральных богатств, имеющих на его земле. Все минеральные богатства принадлежат государству, и только оно дает лицензии на их промышленную разработку.

Сложившаяся в условиях капиталистической экономики форма частного землевладения не могла быть без изменений применена для наделения землей аборигенов, которые в традиционных условиях знали лишь коллективное землепользование и стремились к его возобновлению. Попытка же искусственно сочетать юридические нормы и практические интересы современного капиталистического общества с традиционными нормами и традиционалистскими устремлениями аборигенов привела к созданию чрезвычайно сложного в юридическом отношении законодательства, по которому права аборигенов на землю в конечном счете оказались лишенными ряда черт фригольда как формы землевладения и значительно более ограниченными, чем традиционные¹².

В традиционных условиях система землевладения или землепользования у аборигенов имела весьма сложный характер. Этнографически она недостаточно исследована, и до сих пор крупнейшие специалисты придерживаются по этому вопросу различных точек зрения. Однако есть

¹⁰ Contact. Christian Medical Commission. World Council of Churches, 1983, № 72, p. 11—12.

¹¹ В 1978 г. Северная Территория получила статус седьмого штата Австралийского Союза и, следовательно, право самоуправления.

¹² Подробный анализ этого законодательства с юридической и этнографической точек зрения см. Maddok K. Anthropology, Law and the Definition of Australian Aboriginal Rights to Land. Nijmegen, 1980.

обстоятельство, которое можно считать определенно установленным: ни одно из локализованных социальных объединений аборигенов — будь то племя, община, локальная наследственная группа (род), тотемическая группа (культурное объединение) — не являлось единственным владельцем и (или) «пользователем» какого-то определенного участка земли. Так, кормовые угодья, осваивавшиеся одной общиной, время от времени без специального на то разрешения использовались и представителями соседствующих общин. В то же время не все члены общины имели доступ к расположенным на ее территории тотемическим центрам. Из числа членов общины к этим святыням могли приближаться только мужчины, принадлежащие к локальной наследственной группе, которая во многих случаях (но не всегда) составляла ядро общины. Вместе с тем, кроме них, к этим тотемическим центрам допускались мужчины родственных тотемических групп или родственных локальных наследственных групп, живших на территории иных общин, нередко весьма удаленных. Члены одного племени время от времени беспрепятственно посещали территории других племен и т. п. Некоторые этнографы считают, что в традиционной идеологии аборигенов нет понятия «право собственности на землю», и у аборигенов не было коллективов, которые можно назвать собственниками земли¹³.

Однако стоявшая перед составителями Акта задача предоставить аборигенам права на землю, соответствующие современным австралийским законам, требовала четкого выделения субъектов собственности. Таковые и были созданы искусственно. Акт уполномочивал министра по делам аборигенов сформировать так называемые земельные корпорации аборигенов. Они состояются не менее чем из трех членов и председателя (обязательно аборигенов), назначаемых министром по делам аборигенов из числа кандидатов, которых рекомендует местный земельный совет аборигенов¹⁴. Вся предоставленная аборигенам территория была разделена на восемь владений, держателем (фригольдером) каждого из них объявлялась определенная земельная корпорация. Земельные корпорации обязывались использовать вверенную им землю на благо тех аборигенов, которые по традиционным нормам имели право занимать и использовать эту землю. Таким образом, в Акте было введено разделение между учреждениями, являющимися держателями фригольдов, и теми людьми, в чьих интересах должна использоваться земля. При этом среди последних наибольшие преимущества предоставлялись лицам, называемым в Акте «традиционными собственниками». Под «традиционными собственниками» имеются в виду члены тех локальных наследственных групп (родов), которые в соответствии с существовавшей у аборигенов традицией являлись хранителями тотемических центров (религиозных святынь), расположенных в пределах каждого из выделенных земельным корпорациям владений. Следовательно, основой для наделения аборигенов юридическими правами на землю послужили не их практические нужды сегодняшнего дня, а их религиозные представления, связанные с землей. Составители Акта исходили из выводов ведущих австралийских этнографов, в первую очередь Р. и К. Берндтов, согласно которым у аборигенов существовало два вида или как бы два уровня землевладения или землепользования: религиозный и хозяйственный, причем религиозный имел первостепенное, а хозяйственный — второстепенное значение¹⁵. Мнение это разделяется далеко не всеми австраловедами и, по всей вероятности, не соответствует действительности¹⁶. Таким образом, в сравнении с традиционными нормами Акт о земельных правах аборигенов недостаточно учитывает хозяйственную основу традиционного землепользования и в своем определении «традиционных собственников» как членов одного только социального объедине-

¹³ Ibid., p. 30—55.

¹⁴ Земельные советы — выборные органы самоуправления аборигенов.

¹⁵ Maddok K. Op. cit., p. 16.

¹⁶ См., например: Кабо В. Р. Австралийская община.— Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М.: Наука, 1978.

ния (локальной наследственной группы, или рода) сужает круг людей, имеющих наиболее благоприятные возможности для практического использования каждого конкретного участка земли, а также круг людей, допускающихся к религиозным святыням, расположенным на этой земле. Кроме того, прежде чем быть признанными «традиционными собственниками», аборигены, претендующие на тот или иной участок земли, должны доказать генеалогически свою принадлежность к соответствующей локальной наследственной группе. А сделать это после долгих лет детрибализации далеко не всегда легко. В большинстве случаев необходимо специальное расследование с помощью этнографов и свидетелей из среды аборигенов. Результаты таких расследований неизбежно несут печать субъективизма. Нужды всех тех аборигенов, которые были давно вытеснены со своих земель на окраины европейских поселений и не могут доказать традиционные права на те или иные конкретные участки земли, в Акте не учитываются.

Далее, несмотря на то, что земельные корпорации аборигенов формально являются владельцами фригольдов, они не могут, по условиям Акта, распоряжаться вверенной им землей. Все ответственные решения относительно земли аборигенов принимаются иными организациями — земельными советами аборигенов. Этих организаций на Северной Территории всего три: Северный и Центральный советы и Совет племени тиви (острова Мелвилл и Батерст). Членами земельного совета могут быть только аборигены. Обычно они делегируются общинами, проживающими в районе, который находится под управлением совета. Деятельность советов контролируется федеральным министром по делам аборигенов, а в качестве консультантов советы имеют этнографов и юристов.

К числу наиболее ответственных относятся решения, связанные с планируемыми на землях аборигенов разработками минеральных богатств или эксплуатацией других природных ресурсов, со строительством дорог, въездом на территорию аборигенов туристов и иных посторонних лиц, с охраной религиозных святынь. Любое из таких решений, по условиям Акта, может быть принято только при согласии всех «традиционных собственников» того участка земли, к которому это решение относится, причем после того, как соответствующий земельный совет убедится в том, что «традиционные собственники» правильно понимают значение и возможные последствия принимаемого решения.

«Традиционные собственники» через земельный совет могут наложить вето на добычу полезных ископаемых на своей территории. Однако поскольку вопреки требованиям аборигенов эти полезные ископаемые оставлены в собственности государства, постольку генерал-губернатор Австралии имеет право разрешить их разведку и добычу, несмотря на вето «традиционных собственников», если этого требуют, по формулировке Акта, «национальные интересы». Но такое распоряжение должно быть представлено на рассмотрение обеим палатам федерального парламента и в течение 15 дней одобрено или не одобрено ими.

При промышленной разработке природных ресурсов на земле аборигенов «традиционные владельцы» должны получать определенную долю прибыли, размер которой устанавливается в процессе переговоров между «традиционными собственниками», чьи интересы представляет один из земельных советов, и предпринимателями.

Наконец, Акт предусматривает возможности для расширения земельных владений аборигенов за счет удовлетворения претензий на отдельные участки неиспользуемой и принадлежащей короне земли на Северной Территории. Претензии эти могут предъявляться представителям федеральных властей земельными советами от имени аборигенов, являющихся «традиционными собственниками» этих участков. По приблизительным подсчетам, таким путем земельные владения аборигенов могут возрасти до 42% площади Северной Территории¹⁷.

Фригольды аборигенов являются неотчуждаемыми, следовательно полученные ими земли не могут быть проданы.

¹⁷ Steenhoven G. van den. Editorial Introduction in: Maddok K. Op. cit., p. 1.

Издавая Акт о земельных правах аборигенов Северной Территории, федеральное правительство рекомендовало правительствам штатов подготовить и принять аналогичные законодательства. В 1982 г. в Южной Австралии был издан Акт о земельных правах крупной этнической группы аборигенов — питъянтъятъяра, в соответствии с которым они получили право коллективного владения землей, составляющей более 102 тыс. км². Для управления этой территорией был создан земельный совет питъянтъятъяра. В 1983 г. получили права на землю некоторые группы аборигенов Нового Южного Уэльса. В 1984 г. было принято законодательство о земле для аборигенов в Квинсленде, в 1985 г. — в Западной Австралии. О существовании этих трех законодательств речь пойдет ниже.

На Северной Территории за истекшее с 1977 г. время, благодаря главным образом удовлетворению заявок аборигенов на землю, принадлежавшую короне, владения их возросли с 18 до 28,2% всей площади штата¹⁸.

Кроме того, существует еще один путь для расширения земельных владений аборигенов: в 1974 г. был создан специальный правительственный фонд, чтобы покупать для аборигенов те их традиционные земли, которые оказались в частной собственности.

В целом аборигены, составляющие, как уже отмечалось, 1,2% населения континента, в конце 1984 — начале 1985 г. занимали на правах фригольда, аренды или в виде резерваций 11,71% территории Австралии¹⁹. Однако, чтобы внушительность этой цифры не вводила в заблуждение, следует еще раз напомнить, что значительная часть этих земель — пустыни и полупустыни Центральной и Южной Австралии, а также северный и северо-восточный районы с тяжелым тропическим климатом, мало пригодные для земледелия и скотоводства. В то же время эти земли — в первую очередь северные — чрезвычайно богаты полезными ископаемыми. Но для аборигенов в большинстве случаев это не благо, а несчастье. Промышленная разработка полезных ископаемых (урана, нефти, бокситов и т. п.) влечет за собой пагубные последствия для здоровья людей, живущих вблизи горнодобывающих предприятий, для природной среды, связана с разрушением или осквернением религиозных святынь аборигенов, к чему они теперь в условиях движения за национальное самоопределение относятся очень болезненно. Здесь интересы аборигенов находятся в непримиримом противоречии с интересами капиталистической экономики Австралии, интересами могущественных международных горнодобывающих компаний. И в этом коренится причина и того, что аборигены в сущности не могут полностью реализовать права, формально предоставленные им земельными законодательствами, и того, что эти законодательные акты вызывают резкую критику достаточно значительных по численности и весьма могущественных в экономическом и политическом отношениях слоев австралийского населения. Критика эта создает реальную угрозу тому, что удалось аборигенам достичь в борьбе за землю.

Все громче и громче звучат в Австралии голоса, призывающие лишить аборигенов права вето на добычу полезных ископаемых на их земле или даже совсем лишить их прав на землю. Основные политические противники современного движения аборигенов представлены находящимися сейчас в оппозиции национальной и либеральной партиями, профашистской организацией «Лига правых», а также особой организацией горнодобывающих компаний — «Австралийским советом горнодобывающей промышленности».

Лидеры либеральной и национальной партий официально заявляют, что, придя к власти, они ликвидируют право вето аборигенов на разработку полезных ископаемых в их владениях на Северной Территории, а также запретят им предъявление претензий на земли короны, вклю-

¹⁸ The Weekend Australian, 6—7.4.1985.

¹⁹ Facts. A Publication of Institute of Public Affairs. Summer 1984/1985, vol. 33, № 4, p. 4—5.

чающие национальные парки и территории, используемые для перегона скота владельцами скотоводческих хозяйств. Кроме того, они отменяют общеавстралийское законодательство о земельных правах аборигенов, которое намерено ввести лейбористское федеральное правительство, и передадут решение вопросов о претензиях аборигенов на дополнительные участки земли из ведения федеральных властей в ведение властей штатов²⁰.

В своих выступлениях в печати, по радио и телевидению представители враждебных аборигенам организаций, порой прибегая к нечестным приемам, утверждают, что федеральный Акт о земельных правах аборигенов Северной Территории и аналогичные законодательства, введенные или планируемые в других штатах, ставят под угрозу благополучие всех фермеров Австралии, а также всех австралийцев, занятых в горнодобывающей промышленности.

В одном из опубликованных заявлений Австралийского совета горнодобывающей промышленности призыв лишить аборигенов права вето на добычу полезных ископаемых в их владениях сопровождается таким аргументом: Австралия — двенадцатая часть суши, а ее население составляет 0,3% мирового населения. Поэтому страна несет ответственность перед всем миром и обязана экспортировать свои минеральные богатства²¹. Здесь нелишне напомнить, что большая часть минеральных богатств Северной Территории — уран.

О том, насколько действен натиск враждебных аборигенам сил, можно судить по некоторым изменениям в официальных заявлениях лейбористского федерального правительства. Вскоре по приходе к власти (март 1983 г.) оно обещало не позднее осени 1984 г. ввести единое законодательство о земельных правах аборигенов, которое унифицирует соответствующие законодательства в штатах и предоставит аборигенам более благоприятные условия, нежели предусмотрено Актом 1976 г. Однако в 1984 г. издание такого законодательства было отложено до 1985 г., и федеральный министр по делам аборигенов в одном из выступлений заявил, что будущее федеральное законодательство не предоставит аборигенам права собственности на минеральные богатства и что аборигены будут иметь землю не на правах фригольда, а на «надежных правах». При этом он не объяснил термина «надежные права», но подчеркнул, что такое изменение формулировки позволит правительству проявлять большую гибкость при гарантировании аборигенам земельных прав. В марте 1985 г. принятие этого законодательства было еще отсрочено²².

Некоторые политические деятели Австралии, требующие отмены законодательств о земельных правах аборигенов, в своих публичных выступлениях не стесняются подкреплять основные экономические «аргументы» грубыми расистскими вымыслами о якобы бытующем у аборигенов каннибализме, об иных проявлениях их дикости и жестокости.

Как ни грустно это констатировать, подобная пропаганда оказывает воздействие на сознание значительного числа австралийских обывателей, в частности владельцев мелких фермерских хозяйств, а также наемных сельскохозяйственных рабочих. Через 18 лет после изъятия из австралийской конституции статей, дискриминирующих аборигенов, проявления бытовой расовой дискриминации коренных австралийцев со стороны белых австралийцев куда более часты, чем в те годы, когда коренное население континента не было граждански полноправным и не боролось за возвращение своих исконных земель. В одном из своих выступлений член парламента Западной Австралии абориген Э. Бридж сказал: «В 60-е годы, когда я был пастухом и жил в лагере пастухов, черные парни и белые парни, работая вместе, ладили друг с другом гораздо лучше, чем теперь»²³.

²⁰ The Socialist, 1.8.1984; 18.7.1984.

²¹ The Australian, 25.2.1983.

²² The Socialist, 6.6.1984; The Australian, 21.3.1985.

²³ The Weekend Australian, 13—14.8.1983.

Неблагоприятность сложившейся ситуации во многом усугубляется тем, что аборигены в последнее время лишились поддержки многих союзников из числа белых австралийцев, в первую очередь поддержки значительной части рабочего класса, ряда профсоюзов, которые в 60-е — начале 70-х годов оказывали аборигенам активную помощь в их борьбе за гражданское равноправие.

Осознавая особую опасность союза аборигенов с рабочим движением белых австралийцев в условиях, когда основным политическим требованием аборигенов стало требование возратить им их исконные земли, австралийский истеблишмент поставил перед собой цель разрушить этот союз. Ловко манипулируя средствами массовой информации, могучие политические противники сумели дискредитировать в глазах многих австралийских рабочих современные идеи самоопределения аборигенов, сумели убедить определенную часть австралийской общественности в том, что аборигены враждебно настроены по отношению ко всем белым австралийцам, в частности к рабочим. Предоставляя политическим деятелям аборигенов слово в печати, на радио и телевидении, организаторы этой кампании специально подбирали людей, придерживающихся экстремистских установок. Эти люди, весьма немногочисленные и в большинстве своем метисы, а не чистокровные аборигены, выступая якобы от имени всех коренных австралийцев, выдвигали необоснованные претензии к белому австралийскому населению и позволяли себе грубые расистские «антибелые» высказывания, резкие выпады против рабочего класса, профсоюзов. Таким образом постепенно был вбит столь основательный клин между политическими организациями аборигенов и профсоюзами, что последние в значительной мере потеряли интерес к политическому движению коренного населения Австралии.

Разумеется, некоторые группы белых австралийцев по-прежнему оказывают аборигенам поддержку в их борьбе за землю, за национальное самоопределение. Значительную часть союзников аборигенов составляют студенты, придерживающиеся левых убеждений. Верным политическим помощником коренных австралийцев является Социалистическая партия Австралии. Но в целом силы политических противников аборигенов в настоящее время превосходят силы их сторонников. Одно из наиболее ярких свидетельств тому — недавняя кампания, связанная с борьбой аборигенов за земельные права в Новом Южном Уэльсе.

Новый Южный Уэльс — штат, образовавшийся из старейшей австралийской колонии. 40 тыс. человек из его пятимиллионного населения считают себя аборигенами, но подавляющая их часть — метисы. Большинство аборигенов в Новом Южном Уэльсе потеряло всякие связи с традиционной культурой своих предков. Почти все они втянуты в капиталистическую систему товарно-денежных отношений. Примерно половина из них живет в городах. Тем не менее в этом штате сохранились учрежденные во второй половине прошлого века резервации для аборигенов. Их было довольно много, но все они имели небольшие территории площадью в общей сложности около 9 тыс. га. В последние десятилетия 4700 га из этой суммарной площади было нелегально отчуждено для частного предпринимательства, т. е. фактически оставшаяся площадь резерваций — всего 4300 га²⁴. Таким образом, в Новом Южном Уэльсе сложилась совершенно иная ситуация, чем на Северной Территории, где резервации занимали около четверти миллиона квадратных километров и где аборигены — в большинстве своем чистокровные, сохраняющие многие черты традиционной культуры, — составляют примерно 1/4 населения.

Лейбористское правительство Нового Южного Уэльса во время своей предвыборной кампании, следуя общей установке федерального правительства и идя навстречу требованиям аборигенов, а также определенной части белых жителей штата, обещало наделить аборигенов земель-

²⁴ The Australian, 17.3.1983.

ными правами. Придя к власти (1977 г.), оно создало особую комиссию, которая должна была подготовить рекомендации для соответствующего законодательства. Эта комиссия опубликовала доклад, содержащий предложения, в основном соответствовавшие требованиям аборигенов. В отличие от Акта 1976 г. в этом докладе предлагалось наделить аборигенов землей исходя из их практической потребности в ней. Рекомендовалось передать аборигенам в собственность земли резерваций в первоначальном размере или же выплатить им компенсацию за незаконно отчужденные земли. Кроме того, предполагалось, что в собственность аборигенам будут отданы некоторые неиспользуемые земли короны и что фиксированный процент получаемого правительством поземельного налога будет предоставлен аборигенам, чтобы они могли покупать для себя землю²⁵.

Этот доклад поставил правительство в трудное положение. Решившись вернуть аборигенам незаконно отчужденные и используемые частными предпринимателями земли резерваций, оно несомненно потеряло бы значительное число голосов на очередных выборах. Резкую критику многих избирателей вызвало бы и решение о выплате аборигенам компенсации за эти наиболее ценные земли резерваций. Потерей определенной части голосов грозило также предоставление аборигенам незанятых земель, находящихся в собственности короны. Новый Южный Уэльс — штат густонаселенный, неиспользуемой земли в нем мало, и основная часть ее находится в западных районах, где особенно велико число жителей, протестующих против удовлетворения земельных притязаний аборигенов.

В течение двух лет в правительстве штата продолжались дебаты по этому вопросу. Комитет по делам аборигенов твердо отстаивал содержащиеся в докладе комиссии рекомендации. Но в конце концов верх одержали представители правого крыла лейбористской партии, настаивавшие на том, чтобы голосам избирателей было отдано предпочтение перед интересами аборигенов. В декабре 1982 г. была опубликована так называемая «Зеленая брошюра» с проектом законодательства, в котором планировалось предоставить аборигенам на правах фригольда только земли, фактически входившие в состав резерваций. Компенсации за незаконно отчужденные земли не предусматривалось. В проекте планировалось, что аборигены не будут иметь права вето на разработку наиболее ценных полезных ископаемых — золота, серебра, нефти, угля. Кроме того, предусматривалась возможность расширения земельных владений аборигенов за счет удовлетворения их претензий на незанятые земли короны. Но согласно проекту, такие претензии могут быть удовлетворены только в том случае, если ни власти штатов, ни местные административные органы — советы графств — не планируют использовать соответствующие участки земли в будущем. В общей сложности около 100 инстанций должны дать свое согласие на удовлетворение любой такой претензии аборигенов. В этих условиях предъявление претензий на незанятые земли короны почти наверняка обречено на неудачу²⁶. Наконец, в проекте была учтена рекомендация выделить фиксированный процент поземельного налога на покупку земли для аборигенов.

Сразу же после опубликования «Зеленой брошюры» аборигены штата выступили с резкими протестами против основных пунктов проекта. Проводились бурные митинги. В Сиднее перед зданием парламента штата, как в 1972 г. в Канберре перед зданием федерального парламента, аборигены в знак протеста раскинули палаточный лагерь. Как и в 1972 г., лагерь был ликвидирован полицией. Организации аборигенов направляли также петиции федеральному правительству, в которых содержалась просьба вмешаться и, используя полученные после референдума 1967 г. полномочия, настоять на пересмотре проекта. Некоторые служащие департамента по делам аборигенов в Новом Южном Уэльсе

²⁵ Sydney Morning Herald, 5.6.1983.

²⁶ Tribune, 26.1.1983.

устроили забастовки протеста. Тем не менее проект прошел через парламент и в марте 1983 г. приобрел силу закона. Было также задним числом узаконено отчуждение земель резерваций²⁷.

Симптоматично, что последовавшую со стороны аборигенов и определенных кругов сочувствующих им белых австралийцев критику этого законодательства не поддержали организации рабочих. Ни один профсоюз не принял резолюции о поддержке аборигенов в этом вопросе, ни один не выразил солидарности со служащими департамента по делам аборигенов, проводившими недельную забастовку протеста. А ведь в конце 60-х — начале 70-х годов, когда аборигены из племени гурииды в Западной Австралии впервые выдвинули требования вернуть им племенные земли, именно профсоюзы высказали горячее сочувствие.

Еще более ограниченные земельные права получили аборигены в Западной Австралии. Им вообще не даны права вето на разведку и промышленную разработку полезных ископаемых на их территории, а также права на долю прибыли от их добычи.

Но наиболее неблагоприятная для аборигенов ситуация сложилась в Квинсленде, где у власти находится самое реакционное в Австралии правительство и где крайне консервативно настроенные фермеры составляют значительную часть населения. Очевидно, опасаясь, что федеральное правительство данной ему в результате референдума власть введет в Квинсленде законы о земле, аналогичные Акту о земельных правах аборигенов Северной Территории, и стремясь не допустить этого, квинслендское правительство опубликовало 31 мая 1984 г. собственное законодательство. Оно не гарантирует аборигенам неотчуждаемой собственности на землю резерваций, а предоставляет эту землю им в пользование на условиях аренды без права распоряжаться полезными ископаемыми. Законодательство учредило в общинах аборигенов выборные советы с ограниченными полномочиями и в то же время лишило аборигенов права участвовать в выборах в местные органы власти²⁸. Л. Мурро, являвшаяся в то время президентом Национальной конференции аборигенов (совещательного органа при федеральном правительстве) охарактеризовала это квинслендское законодательство как «образец самого расистского закона за всю историю Австралии»²⁹. В самом Квинсленде те немногие аборигены, которые отважились, несмотря на сугубо антидемократическую обстановку, открыто выступить с протестами против такого законодательства, подверглись суровым репрессиям. 35 человек было арестовано в Брисбене³⁰.

Квинсленд, как и Северная Территория, — штат, в котором живет большое число чистокровных аборигенов, сохранивших в массе своей, несмотря на долгие годы детрибализации, многое из древней культуры предков. В настоящее время они, включившись в общее движение аборигенов Австралии за национальное самоопределение, стремятся упрочить или возродить обычаи своих племен. И поскольку главным в своей традиционной духовной культуре аборигены считают тотемические верования и культы, концентрирующиеся вокруг древних религиозных святынь на их племенных землях, постольку сохранение или возобновление этих верований и культов сделалось для них теперь не только символом национального возрождения, но и реальным средством консолидации и коллективного самоутверждения³¹. Однако в отличие от федеральных властей, которые включили в Акт о земельных правах аборигенов Северной Территории особый пункт об охране тотемических святынь на земле аборигенов и которые в 1984 г. приняли закон, гарантирующий аборигенам охрану тотемических центров на земле короны, квинслендское правительство не только не оказывает аборигенам никакой поддержки в деле охраны их древних религиозных святынь от раз-

²⁷ The Australian, 31.3.1983.

²⁸ The Socialist, 6.6.1984.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Артемова О. Ю. Указ. раб.

рушения или осквернения посторонними, но, напротив, стремится подавить движение аборигенов за возрождение традиционных культов. Й. Бьелке-Питерсон, квинслендский премьер-министр, в одном из своих публичных выступлений, зло высмеивая тотемические религиозные представления аборигенов, заявил: «Я положу конец всем этим священным игуанам и всей этой галиматье о Времени Сновидений»³².

За этими словами не только пренебрежение к психологическому состоянию людей, которые долгие годы были на грани вымирания и жили в обстановке «культурного вакуума», не только стремление подавить начавшееся было у них оживление духовной жизни — за этими словами пренебрежение и к материальным условиям их существования. Свидетельство тому — крайняя бедность и угрожающее состояние здоровья квинслендских аборигенов, алкоголизм и преступность, более высокие, чем среди аборигенов других районов страны.

По-видимому, квинслендские аборигены в массе своей — самая обездоленная и неполноправная часть коренных австралийцев; но и в других штатах есть группы аборигенов, живущие в исключительно тяжелых условиях. Это, в частности, относится к некоторым «децентрализованным» общинам Северной Территории и Западной Австралии.

Когда среди аборигенов началось движение за создание «внешних поселений», федеральное правительство, следуя, в числе прочих соображений, рекомендациям ведущих австралийских этнографов, расценило это движение как способствующее оздоровлению психологического климата в среде аборигенов и взяло курс на то, чтобы оказывать «внешним поселениям» поддержку в юридическом отношении, а также материальную помощь — деньгами, продовольствием, медикаментами и т. п. Это касалось главным образом «внешних поселений» на территориях резерваций, а позднее на землях, перешедших в собственность земельных корпораций аборигенов. Но в движении «децентрализации» приняли участие и те аборигены, чьи исконные земли находились в частной собственности белых австралийцев. «Незаконно» переселившиеся в частные владения, эти аборигены, не получая никакой или почти никакой правительственной помощи, не имея возможности заниматься охотой и собирательством или организовать земледельческие либо скотоводческие хозяйства, как это делалось во «внешних поселениях» на территории бывших резерваций, оказались лишенными средств к существованию. Они голодают, зачастую не имеют жилья, не получают медицинской помощи. Однако у многих из них решимость не расставаться с землей предков столь сильна, что они не поддаются ни на какие требования или уговоры покинуть ее и живут в поистине катастрофическом положении. Как уже упоминалось, существует специальный денежный фонд, позволяющий выкупать у частных собственников участки земли, занятые такими группами. Однако землевладельцы в большинстве своем не хотят продавать эти участки (обычно весьма небольшие) и, несмотря на неоднократные предписания федеральных властей, отказываются даже вести переговоры на этот счет.

Годами не удастся узаконить свои права на землю, а следовательно, создать сколько-нибудь стабильное материальное положение и многим «децентрализованным» группам аборигенов, чьи земли находятся в собственности короны на Северной Территории. Недавно в этом штате появилась особая организация — Заинтересованные граждане Северной Территории. Ее основной целью является противодействие удовлетворению претензий аборигенов на участки земли, принадлежащие короне. Организация эта имеет влияние на правительство штата, которое уже не раз заявляло о стремлении пересмотреть статьи Акта 1976 г., касающиеся претензий аборигенов на незанятые земли короны³³.

В сравнительно лучших условиях находятся «внешние поселения» на территориях, перешедших в собственность земельных корпораций абори-

³² The Socialist, 6.6.1984.

³³ Semper. University of Queensland Student Magazine. March, 1983.

генов. На Северной Территории их насчитывается около 160 со средней численностью 30—50 человек в каждом. Во многих из них аборигенам удается удовлетворять бытовые нужды и духовные запросы в значительной мере своими силами. В ряде таких поселений есть свои медпункты, начальные школы, продовольственные склады. Как показывают специальные исследования, у жителей этих «внешних поселений» наблюдается общее улучшение здоровья и психического состояния. Здесь успешнее, чем в других группах аборигенов, преодолеваются трудности, порожденные алкоголизмом³⁴. Однако над этими завоеваниями нависла угроза, связанная с уже ведущимися на земле аборигенов или планируемые промышленными разработками урановых месторождений³⁵.

По условиям Акта о земельных правах на Северной Территории аборигены не могут налагать вето на разработку тех месторождений, эксплуатация которых была запроектирована и разрешена правительством ко времени утверждения Акта. Список таких проектов оказался весьма внушительным. Среди них два крупных урановых месторождения, разработка которых начата несколько лет назад,— предприятия Набалко и Рэнджер. Их деятельность наносит большой вред природе и угрожает здоровью аборигенов, живущих в относительной близости от предприятий и неспособных в силу своей непросвещенности оценить опасность подобного соседства.

Перед приходом к власти лейбористы обещали не давать больше лицензий на добычу урана на Северной Территории. Однако могущественные отечественные и иностранные горнодобывающие компании оказывают сильнейшее давление на федеральное правительство и на правительство штата, чтобы добиться утверждения новых проектов. Такое давление испытывают и политические и общественные деятели аборигенов, причем определенная часть из них ему поддается. Это проявляется, в частности, в действиях руководителей Северного земельного совета. В июне 1983 г., несмотря на противодействие министра по делам аборигенов К. Холдинга, между «традиционными собственниками» одного из владений аборигенов и канадской компанией «Денисон Остралиэн Лимитед» было заключено соглашение о разработке уранового месторождения Кунгарра. По этому соглашению 25% прибылей будущего предприятия должны принадлежать аборигенам. Многие подписавшие соглашение аборигены сделали это против своего желания, под сильным давлением Северного земельного совета, в свою очередь подпавшего под влияние горнодобывающих корпораций³⁶.

В июне 1984 г. Северный земельный совет публично одобрил деятельность горнодобывающих компаний на Северной Территории. По-видимому, такую позицию руководителей этой организации следует связывать с тем, что разработка полезных ископаемых на земле аборигенов сулит им внушительные денежные прибыли. Так, от эксплуатации двух урановых месторождений на Северной Территории аборигены получают от 12 до 14 млн. долларов в год³⁷. С этим связана и пропаганда так называемого нового образа жизни аборигенов — материального благосостояния, основанного на доходах от горнодобывающих предприятий на их земле. Несомненно, на определенную часть аборигенов такая пропаганда оказывает значительное влияние³⁸. Близорукость и беспечность подобной ориентировки естественна и простибельна для малообразованных

³⁴ Миган Б. Ф. Движение аборигенов за создание «внешних поселений»: возврат к прошлому или подготовка к будущему? — XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет Л. Тезисы докладов, т. 2. М., 1979, с. 22; *Young E. Op. cit.*, p. 8; *Newsweek*, 23.5.1983, p. 31.

³⁵ *Butt L., Cook I. Nuclear Land Battles. Land Rights, Uranium and the Northern Territory.*— *Semper*, March, 1983; *Milliken R. Conference Eve Report: Uranium's Impact on Aborigines: Devastating.*— *The National Times*, 6—12.7.1984.

³⁶ *Courier Mail*, 25.6.83; *Semper*, March, 1983.

³⁷ *The Australian*, 25.2.83.

³⁸ *Раззакова Э. И. Коренные жители Австралии и проблема эксплуатации недр.*— Программа XVI научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1985, с. 18.

аборигенов, живущих вдали от культурных центров страны в нужде и лишениях, но непростительна для лидеров их политического движения.

Анализ ситуации, сложившейся в тех группах аборигенов, которые имеют определенные доли прибылей от добычи урана на их земле, показывает, что получение значительного количества денег влечет за собой отрицательные социально-психологические последствия. Поскольку не существует разумно разработанной системы распределения денег между всеми живущими на территории, где действует горное предприятие, создается атмосфера зависти, взаимного недовольства, распрей. Таким образом, разрушается тот коллективизм, на основе которого аборигены надеются осуществить свое национальное возрождение. Далее, коль скоро на территории одних групп есть крупные месторождения, а на территории других их нет, а долю прибыли получают главным образом «традиционные собственники» той земли, где действует горное предприятие, создаются условия для развития враждебности между соседствующими группами, что угрожает солидарности аборигенов в борьбе за свои права в масштабах штата и страны в целом.

У аборигенов, живущих вдали от европейских культурных центров страны, нет необходимых условий для хранения получаемых ими крупных сумм денег — нет, в частности, удовлетворительного банковского обслуживания. Да и сами аборигены в массе своей не умеют и не хотят копить и беречь деньги: то, что они получают, они, как правило, быстро растрачивают. Между тем источники их денежных доходов через 15—30 лет могут иссякнуть. Что же тогда останется? Изуродованная земля и нищета. Умение же довольствоваться малым, а также нормы взаимопомощи, коллективизм и иные традиционные ценности духовной культуры будут безвозвратно утрачены.

В этих условиях борьба против дальнейшего расширения сфер деятельности горнодобывающей промышленности на земле аборигенов — неотложная задача их движения за национальное самоопределение.

И. Ж. Кожановская

К ВОПРОСУ О РАНГЕ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ ПОЛИНЕЗИИ (на примере Тонга)

Когда речь заходит о характере полинезийских обществ, они рисуются воображению историков как типичный образец социально неоднородных структур, занимающих на эволюционной шкале некое промежуточное положение между типично эгалитарными образованиями классической первобытности и классовыми обществами. В советской этнографической литературе наиболее продвинутые из них — Гавайи, Тонга, Таити — атрибутировались даже как раннефеодальные. Строй же в целом — как сословно-кастовый¹. Но вне зависимости от формационной оценки разбираемых обществ (это сфера социально-экономического анализа) — все ученые единодушны в обрисовке полинезийской социальной структуры как иерархической, знающей — на любом архипелаге или острове — противопоставление благородных (они же «вожди», они же «аристократия») простолюдином («общинникам»), а то и выделение большего числа групп; знающей развитый культ вождей, и, как минимум, — «двойной стандарт» во всем, будь то религиозные церемонии, сложный этикет, формы одежды, жилья, питания, или владение сокровищами знаний, секретами ремесла, или даже существование особых комплексов лексики. Все эти бросающиеся в глаза проявления социального неравен-

¹ См., например, Независимые государства Океании. М.: Наука, 1984, с. 105.